

Лев Беринский

SONETARIUM

ЛИМБУС ПРЕСС

Лев Самуилович Беринский

Sonetarium

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=74341161

Лев Беринский «Sonetarium»: ООО «Издательство К. Тублина»; Санкт-Петербург; 2026

ISBN 9785837009617

Аннотация

«SONETARIUM» (Книга сонетов) – новый сборник Льва Беринского, выдающегося поэта, пишущего на русском и на идише. Название книги говорит само за себя; что же касается представленных здесь сонетов, то они не только демонстрируют виртуозное владение автором непростой формой этого стихотворного жанра, но и заключают в себе ту глубину, которая без дидактики и назидания, сопровождаемая грустной улыбкой, заставляет читателя задуматься о его месте в сложном и зыбком мире.

Содержание

Смерть ветряной мельницы	7
I. В стране пещер	12
Из цикла «Башни века»	13
«Я обнаружил: я – один...»	14
«Был звон. Там пели на баяне...»	15
«Я посмотрел и увидал во сне...»	15
«Распахиваясь, раскрывался холм...»	16
«Внизу раздались клич и пенье...»	17
«Над бездной, как с небесного осколка...»	18
«И подали на стол пирог...»	19
«В луче Луны текущем, как гудрон...»	20
«На лестнице, над глубиной двора...»	20
«Не удержусь и как бы ненароком...»	21
«Сторожевые башни века...»	22
Из цикла «Грезёр Панург»	24
«Гоня к запруде облака...»	24
«Едва дождавшись, что меня окликнут...»	25
Кардымово. 1964	25
«Он уходил. За ним плыла...»	26
«Соловей повис над розой алой...»	27
«Сольём проклятия, миряне...»	28
Штрихопись	29
«Приятель Адик Шикльгрубер...»	29

«Рога над кружкой приподняв...»	30
«Микроцефал с головкой птичьей...»	30
«Две птицы над равниной дней повисли...»	32
«Что ищет он, что позабыл...»	33
«Летучий пар, la dolce vita...»	34
«Вот она, светла моя могила...»	35
Панург mauvais	36
«Исполнен творческих и всяких прочих сил...»	36
«Наевшись на ночь до отвала...»	37
«На рассвете, в час пищеваренья...»	37
«Пока я выбирался из тягостного сна...»	39
«...И восемь миллионов обнялось...»	40
«В полях полярного сияния...»	41
«Людей подкашивает тьма...»	42
Из цикла «На кромке мира»	43
«Из моря лунным притяженьем...»	43
«...И тут песчинка за песчинкой...»	44
«Мы добрались до первого объятья...»	44
«С утра отхлынул океан...»	45
«С утра, с холмов, издалека...»	46
«В июне рухнул белый свет...»	47
«Мечеть у бухты Золотой...»	48
«Некрополь. Купол тишины...»	48
«Песчаным берегом планеты...»	49
«Лежали мы на междуречье...»	50

«Во мгле, где складчатые недра...»	51
«Пустынный пляж и розовые зданья...»	52
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Лев Беринский

Sonetarium

© Лев Беринский, 2026

© ООО «Издательство К. Тублина», макет, 2026

© А. Веселов, оформление, 2026

* * *

Смерть ветряной мельницы

Москва 1966–1980

Лев Беринский – человек, несомненно, очень одарённый, и в этих рамках нельзя дать краткую оценку его творче-

ства. Вначале процитируем один из сонетов книги – «Одиночество Останкинской башни».

С покато́го земного подиума
в лазу́рь морей и блеск витрин
гляжу́сь, привста́в, – балда, уродина,
какой-то куинбу́с флестрин.

Вдали – Шанхай и шта́дт Берлин,
и Лувр – как хатка тётимотина.
За что судьба́ такая, родина? —
на кой вам баба-исполи́н?

Меня студят ветра́ проточные,
альпийские, дальневосточные,
и дразнит эйфелевый буй.

И я, что Леда, не поверите —
всю ночь кручу́ для Альфа – Лебе́дя
кино про первый поцелу́й.

Лев Беринский позволяет себе вольность в обращении с такой, казалось бы, негибкой поэтической формой. Если он всегда выдерживает схему рифмовки катренов и не увеличивает число терцетов (помнится, было такое поветрие), то оттягивается во весь рост, превращая тонику сонетов в гуттаперчевого мальчика и заставляя этого мальчишку выделять всяческие кунштюки. Возьмём хотя бы первую строчку

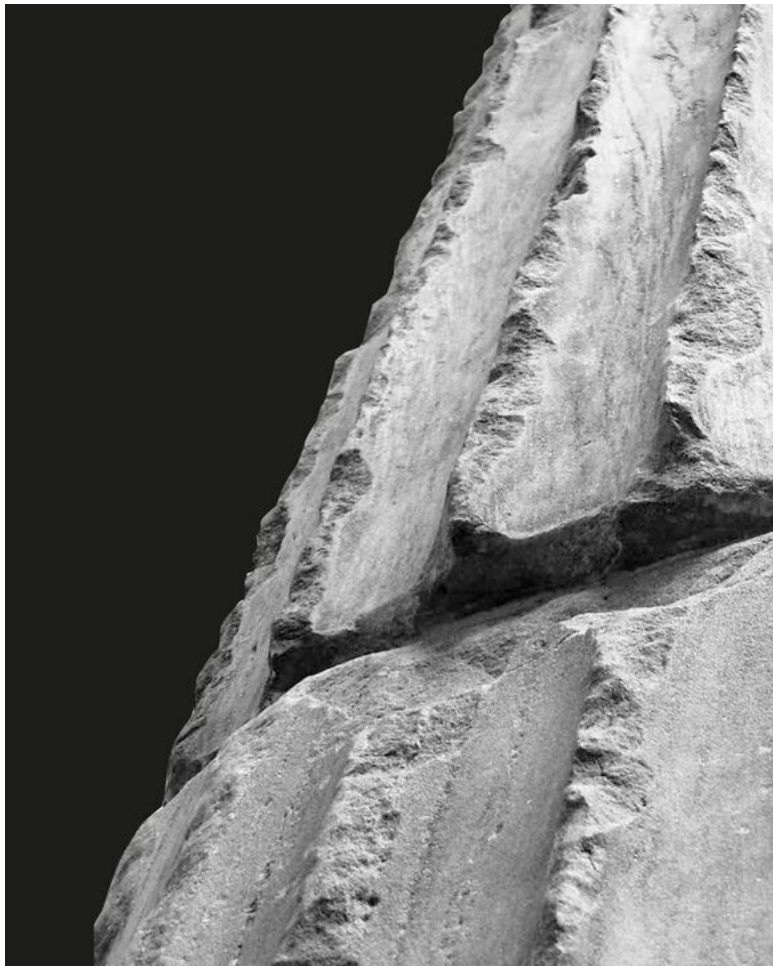
приведённого выше сонета – там присутствует лишний слог (по всем канонам силлабика нарушена), но тоническое интонирование при чтении не только заставляет позабыть об этой «ошибке» (кавычки здесь из-за того, что на самом деле лишняя стопа здесь не нарушение, но очередной признак авторского мастерства), но и восхититься звучанием, упругостью этой раскачивающейся строки:

«С пока-того земно-го по-ди-у-ма...»

Миша Шпундик (ал. Свердлов)

I. В стране пещер

Из цикла «Башни века»

«Я обнаружил: я – один...»

Я обнаружил: я – один.

*И сорвалась слеза печали,
и гранями снегов и льдин
её осколки засверкали.*

И вытекли, синяя, дали.

*Вдоль горизонтов и долин
чинары первые вставали,
шли пумы, ковылял пингвин.*

*Как шумно заселяли взор
цветок и пёс, и детский спор...*

Но я рассеял чары мира.

*Смёл до последнего репья
всех их и самого себя...*

И не создал себе кумира!

«Был звон. Там пели на баяне...»

Был звон. Там пели на баяне.

И тихо, не сжигая льна,
по уходящей вниз поляне
катилась белая Луна.

Как лёгкий обруч шла она,
холодным пламенем пылая,
и звери прыгали сквозь пламя,
и морж смеялся, всплыв со дна.

В поля, в чём есть, тянулись жёны.
Шли лошади заморожённо,
роняя изо рта овёс.

Как изваянья, стыли дрофы.
Был звон. И сладость катастрофы,
и лица, взбухшие от грёз.

«Я посмотрел и увидал во сне...»

Я посмотрел и увидал во сне:
Бегут навстречу лунные поляны,

леса скользят с холмами наравне,
и травы от полёта полупьяны,

и корни их струятся в глубине
друг в друга — как в проливе океаны,
и ландыш посылает сквозь туманы
по ниточке ночную песнь сосне...

...Был неподвижен мир. То я летел.
По склонам, как солдатик оловянный,
вверх-вниз, двумя подошвами скользя.

И тяжелее всех небесных тел,
грустил, переходя через поляны,
где ни свернуть, ни глаз поднять нельзя.

«Распахиваясь, раскрывался холм...»

Распахиваясь, раскрывался холм,
осенние сады свои смещая,
и свет земной, отсвечивая мхом,
стекал в пролом, пустоты освещая.

И там — как маршал, на коне верхом —
сияла мама, а за ней в печали
слепцы свой шаг и постук учащали,

и птицы осеняли ход крылом.

Они прошли не глядя, скрылись в поле.

Душа моя исхрипла вся от боли
и ластилась ко мне, как никогда.

Пустой, нёс эхом холм, кусты отбросив.

Я оглянулся: колыхалась осень,
свет налетел – и я шагнул туда.

«Внизу раздались клич и пенье...»

Внизу раздались клич и пенье,
и первый шаг прогремывал:
шёл крестный ход или сражение,
или весенний карнавал.

Тот бил дубиной наповал,
а та ждала, раскрыв колени,
и мальчик, прячась в сновиденье,
спал на камнях и умирал.

Так тешились они б доныне.

Но полегли они в долине
толпа к толпе на склоне дня.

Спускаясь, птицы голосили.
И подцепив их, уносили
в страну пещер вокруг меня.

«Над бездной, как с небесного осколка...»

Над бездной, как с небесного осколка
глаза и шеи вытянув вперёд
и в пустоту заглядывая долго –
кто свесил рог, кто на локтях встаёт.

Какой-то сумасшедший хоровод!

И между нами, Оля, чья-то холка
шерстистая, ах, оборотень волка
залёг и нам обняться не даёт.

Там шепчутся, тот в клюв трубит, а рядом,
не обернувшись, бьют друг друга задом
какие-то седые упыри.

Взяв по два глаза, жизнь глядит и воет.

И медленный кружится астероид
с гирляндой глаз и пустырём внутри.

«И подали на стол пирог...»

И подали на стол пирог
с помадками и вензелями,
и шоколадными зверями
на перекрестии дорог.

В трёх лилиях плескался грог.
Со дна мурёшечки взирали
на гребни гор, а поперёк
цветные радуги свисали.

Пересеча лимонный тропик,
ущелье шло, там лёгкий гробик
стоял, сияющ и открыт.

И в нём, присохнув мёртвой спинкой,
я спал – изюминкой, дерьминкой,
дразнящей буйный аппетит.

«В луче Луны текучем, как гудрон...»

Ольге

В луче Луны текучем, как гудрон,
с холма на холм тащились мы, блуждали,
и нас орех и розы с двух сторон
от ночи, как перила, ограждали.

Кромешный блеск. Мы шли вперёд. Рыдали.
Пытались лечь вот тут же, под уклон.
И было всё не так. Какой-то сон.
И все, кто спал, за нами наблюдали.

Прозрачный дым всходил, висел под нами.
Не верилось, что там между холмами,
наверно, есть долины и моря.

Ты плакала. Своё лицо ласкала.
И снова шла. И нас не отпускала
треклятая Молдавия моя.

«На лестнице, над глубиной двора...»

На лестнице, над глубиной двора,

в пару черешен, расцветавших пиром,
я говорил себе: «Пора... Пора...» –
и медлил расставаться с этим миром.

Я знал, что это сон, Луны игра.

Плечами освещённая, пунктиром,
по лестнице, прогнувшейся над миром,
ты поднялась из глубины двора.

До новых сновидений... До свиданья...

Ушла потусторонними следами
по лестнице, во всю её длину.

Под лестницей, как пёс в ночном подъезде,
сiju во тьме, в каком-то диком месте,
где выключили звёзды и Луну.

«Не удержусь и как бы ненароком...»

Не удержусь и как бы ненароком
взгляну на сумеречные поля,
где долго проплывает мимо окон
видение пустого корабля.

Тяжёлый якорь на борту высоком...

И острый контур не преодоля,
как плугом раздвигается земля,
шуршит в отвалах воздуха осока.

Метнётся следом с придурью собака.

За килем – нежной кожицей заката
затягивает землю горизонт.

Кусок трубы, под ветром уцелевший,
дрожит... И ждёт отбоя гарнизон,
как в крепости, в душе моей засевший.

«Сторожевые башни века...»

Сторожевые башни века
встают по краю над землёй,
и звёзды светят надо мной
во избежание побега.

Звезда сменяется Луной.
Я на виду. В тени Казбека
украдкой корчусь за нуждой,
зверёк с чертами человека.

Мельканье в бледном свете круга.
Не спрятаться нам друг за друга,
за дерево и под бордюр.

Разлив земных просторов страшных.

И зорек часовой на башнях —
один во множестве фигур.

Из цикла «Грезёр Панург»

«Гоня к запруде облака...»

*Гоня к запруде облака,
пастух вертел свою вертушку
и сквозь лесок издалека
увидел юную пастушку.*

*Она на самую опушку
пыхала майского жука
пасть на склоне Машука,
где жизнь теряют, как игрушку.*

*Облёкшись в предвечерный свет,
он с ней затеял менуэт
с тенями, до ночи танцуя
pas de trois и vis-a-vis,
и с неба ангелов любви
сшибая эхом поцелуя.*

«Едва дождавшись, что меня окликнут...»

Едва дождавшись, что меня окликнут,
я вышел из-за мира и – предстал.

Я к вам всплывал в прудах, где вербы никнут,
в грунтах проламывался с корабля на бал
и пятнами на стенах проступал
и на щеках у мамы... В ней застигнут,
я – вот он весь. Но что за вонь и крик тут?
Побоище? Вокзал? Или курзал?

Живу, хожу, вальсирую меж вами...

Но странно наше сосуществованье
и схожесть снов и поприщ, и квартир.

А час придёт – пока здесь пляшут лихо,
я выскользну, пройду вдоль окон тихо
и за угол – да вон хоть в смежный мир...

Кардымово. 1964

Тяжёлый сон мне был предупреждением
о том, что мир вступает в Судный день,

а утром, что ль накликал сновиденьем,
на площадь из окрестных деревень
поплёлся люд на сход, кому не лень,
кому всяк день был светопреставленьем, —
шли охая, кряхтя, крестя с сомненьем
зевок, перекурить присев на пень...

И вышел к ним сияющий архангел.

И для начала синь небес отхаркнул
и гаркнул так, что стойбища скворцов
осыпались, а даль полей прогнулась
вокруг райцентра, но не пошатнулось
под вестником дощатое крыльцо.

«Он уходил. За ним плыла...»

Д. Н.

Он уходил. За ним плыла
лесная глушь, и звон реки,
и степь, как скатерть со стола,
тянул он, взяв за уголки.

Всевластна грусть его была.
Он мановением руки

брал птиц и белок из дупла
на дальние материки.

Он почву, воду из-под почв
увёл, оставив за собой
лишь дно озёр да валуны.

Не горсть земли – лицо страны
он уносил, шагая прочь
и обнажая мезозой.

1974

«Соловей повис над розой алой...»

Соловей повис над розой алой,
трогая тычинку язычком.
Перейдя болото, мул усталый
лёг тишком и льнёт к воде ничком.
В небесах над степью одичалой
поднял жертву к сердцу зверь трёхпалый,
как Христа, поддетого крючком.

Песня освежёвана смычком.

Всеобъятно наших тел касанье:
Долгий ливень, слившийся с лесами;

утомлённый розой соловей;
камень, мхом объятый; рыба – сетью;
жизнь, в кровосмешительстве со смертью –
мир, ко мне приставший, как репей...

«Сольём проклятия, миряне...»

Сольём проклятия, миряне,
в единый возмущённый глас,
летит кавказский конь Мерани,
как через пропасть, через нас.

Горит, сверкает красный глаз.
Что крылышки? Между мирами
гребёт ногами, рушит грани,
летит, нацелясь на Парнас.

А ну сорвётся? Вскрикнем глухо...

Бело распластанное брюхо,
свисает с неба конский член,
заместо гривы вьются строчки,
а у меня растут две дочки...

К чему всё это и зачем?

Штрихопись

«Приятель Адик Шикльгруббер...»

Приятель Адик Шикльгруббер
в раю – недаром Gott mit uns!
Полвека ввысь уходят трупы
сквозь облака ли, слой медуз.

Какой десант потерян! Глупо
тащить всех в небо, Иисус,
ужель дешевле ж, чем у Круппа,
НСЛ в чистилище и дуст?

Он отрывает взгляд от неба:
Земля лежит, свежа, как репа,
на все четыре стороны.

Он грезит, взяв пивную кружку.
На кончик носа, как на мушку
ружья – глаза наведены.

«Рога над кружкой приподняв...»

Рога над кружкой приподняв,
лик лунный окунает в пиво
и пьёт, и пьёт неторопливо,
не тормоша свой добрый нрав.

Ни ветерка. Закат кровав.
Над ним стоит, как арфа, слива.
Он смотрит вниз почти счастливо,
как стул уходит в ад меж трав.

Вечерний звон. Звонят к вечерне.
Звонят стада крестьянской черни,
звонят над кружкою кресты.

Рога — как месяц в небе тóмном.
И в животе его атóмном
мечты роятся, как глисты.

«Микроцефал с головкой птичьей...»

Микроцефал с головкой птичьей
в края земные занесён
и, штиль грязня своим обличьем,

с небес в лагуне отражён.

Дурную тень бросает он
на море с пляжем приграничным,
и чем-то злым и неприличным
сам воздух мира заражён.

Ни ангелов, ни птиц, ни мошки —
лишь он летает, две ладошки
заместо крыльев по бокам.

В краю эолов и бореев
один витает в эмпиреях —
в отместку людям и богам.

«Две птицы над равниной дней повисли...»

(Kennedys, 1963–69)

Две птицы над равниной дней повисли.

Косяк гусей и поздние стрижи
им уступили высь, где сон и мысли,
развеясь, осыпаются в тиши.

Две птицы забрели за рубежи
последней зоны обитанья жизни,
где только тени блох, что душу грызли,
ещё летят с обветренной души.

Одна раскрыла клюв – да немые обе.
Воспоминанья о земной утробе
гнезда – отяжеляют их полёт.

Всё шире круг, всё круче мир кренится.
Всё медленней крылом поводит птица
и память отлетевшую зовёт.

«Что ищет он, что позабыл...»

Что ищет он, что позабыл
он в этой солнечной дубраве,
и губит кедры и дубы,
на них дыхание направляя?

Всплывают травы и грибы
в натёкшей со стволов отраве,
и меркнет солнце к вящей славе
больного баловня судьбы.

Немой зверёк пощады просит.

Кренится птица в дымке просек
и каменеет на весу.

Нас рок постиг, нас Бог не слышит.

А он всё ходит, смотрит, дышит,
Нерон, гуляющий в лесу.

«Летучий пар, la dolce vita...»

Летучий пар, la dolce vita,
айвовый пух, нетрезвый дух,
присев с тобой на сгиб ракиты,
поднимем праздничный лопух.

Гуденье звёзд, стрекоз и мух
цеда сквозь призрачное сито,
гремучей смесью медовух
закончим пир – и будем квиты.

Нам прокричит с тобой петух.

Мой нежный друг, мой пьяный дух,
пора, ступай, пошёл ты к черту,
горлань всю ночь – я буду глух,
как старый пень, слежалый пух,
тяжёлый мёд, la dolce morte.

«Вот она, светла моя могила...»

Вот она, светла моя могила.
Лёгкой глыбой воздуха висит
в котловане с прозолотью ила.

Каждодневный утренний визит.

Округлив головку, червь скользит
по отвесной стенке. Очень мило:
муравья муху потащила,
муравей сидит, как паразит.

Корешок торчит. Тепло и сухо.
Голубой парит комочек пуха –
снова ночевал залётный зверь.

Каждый день с утра, попивши чаю,
прихожу, гляжу и намечаю
два окна на стенках, сбоку дверь...

Панург mauvais

«Исполнен творческих и всяких прочих сил...»

Исполнен творческих и всяких прочих сил,
я возносил в стихах его и славил,
и об одном лишь Господа просил –
чтоб он мне сил немного поубавил.

Но он молить об этом воспретил.

И божьей силой так меня заправил –
как бензобак бензином. И задраил.

И я, мыча, как скот, заголосил.

Тогда Господь, на ропот мой разгневаясь,
судил меня – теперь уже за ересь! –
томительнейшим из всех грехов.

И одурев от утренних эрекций,
весь день хожу держась за уд и сердце,

и мне уж не до славиц и стихов.

«Наевшись на ночь до отвала...»

Наевшись на ночь до отвала,
на крыльях снов, как сыч, кружу.
С Луны, с Монблана, с перевала
на землю дальнюю гляжу.

Не доверяя миражу,
спускаюсь в храм и в ад вокзала,
и в бункер «Х» – где генерала
и взвод к присяге привожу.

Во тьме от грома просыпаюсь.

Вдоль стен к уборной пробираюсь
и выдуваю из себя
красу небес и звон хоралов,
и стайку рыб, и генералов —
свиньёй-свинья, свиньёй-свинья.

«На рассвете, в час пищеваренья...»

На рассвете, в час пищеваренья,
гаснут и мерцают небеса,

сны от Иоанна, откровенья
микрокреацидов, голоса
зооморфов, дерзкие прозренья
будущих вселенных, чудеса
накануне акта сотворенья –
за какой-то час, за полчаса.

Грусть богоподобности и сладкой
маеты, и найденный украдкой
выход из томительной игры:
радостное, детское шаманство –
тихо уходящие в пространство
ветерки, воздушные шары.

«Пока я выбирался из тягостного сна...»

Пока я выбирался из тягостного сна
подвалами, подсобкой, меж потолком и печью,
по чердаку, где кисло несло гавайской речью,
и выбрался наружу – там шла уже война.

К пакгаузам, сгибаясь, вдоль зыбких гор зерна
и дальше, в дым окраин, под атомной картечью,
потом, уже убитый, к зелёному заречью,
в пролом небес, откуда стекала тишина.

Ступив на край лазури опасливой походкой,
я подошёл к причалу, где парусною лодкой
играл вселенский ветер и волны высоты.

– Ну что ж, пора!.. Но с юга, с юпитеровой кручи
уже сползали, выси затягивая, тучи –
не тучи, сплошь стальные прокатные листы.

«...И восемь миллионов обнялось...»

Seid umschlungen, Millionen...

...И восемь миллионов обнялось.

От Зеленстроя к Площади Победы
в обнимку, как Ромео и Джульетты,
шли с песнями, враскачку, вкривь и вкось,
так что кренился горизонт планеты
и выперла в саду земная ось.

— Куда ж вы, непоседы?

— Так... А-а-а-авось...

А толпы шли, с цветами и детьми.

С шезлонгами. А следом за людьми —
телеги, псы, какой-то конь паршивый...

— Веди! — кричала улица. — Веди!..

Пылала ярь знамён. А впереди
шёл белоснежный ангел — Фридрих Шиллер.

«В полях полярного сияния...»

В полях полярного сияния —
снега, до полюса снега.

В сугробах, плача: до-сви-да-ния... —
вдоль городов я полз сюда.

Кто звал меня?.. Три башни льда
да тень по краю мироздания,
да птица синяя Тристания —
почти Полярная звезда.

И к ней, то знойной, то невидимой
в изломах снега — руку вытянув
и помня расстановку звёзд,

дополз в лучах сиянья бьющего,
и с хищным криком вопиющего
в пустыне — хватить её за хвост!

«Людей подкашивает тьма...»

Людей подкашивает тьма.

Её черта скользит по шару
вослед ползущему пожару
лучей, за горизонт ума.

В глаза вступая, дышит тьма,
студя нам вены, заражая
окрестности, гася Стожары,
как в божьем храме Сinема.

Багрово. Призрачно. Темно.

Цепочкой точек домино
в траву, за полог, на лежанку
беззвучно валятся во мрак
МОНГОЛ —
на-русского —
ПОЛЯК —
на-немца —
ТОТ-НА-ПАРИЖАНКУ...

Из цикла «На кромке мира»

«Из моря лунным притяженьем...»

*Из моря лунным притяженьем
волну тянуло за волной,
и без сознанья и движенья
взлетали люди надо мной.*

*В лазурной капсуле, смурной
купальщик в головокруженье
вдоль моря к лунной шёл мишени —
и в шар врезался головой.*

Как их сквозь плач срывало с вод!

*В тени обрыва погранвзвод
застыл в каре – смотрел и слушал.*

Мулла из Турции кричал.

*А лунный пламень всё крепчал
и поверху тянулся к суше.*

«...И тут песчинка за песчинкой...»

...И тут песчинка за песчинкой,
приподымаясь от земли
хрустящей муравьиной спинкой, —
зашевелились и пошли.

И волны вспрыгнули вдали —
кто рыбой, кто морскою свинкой,
и заливая ветви синькой,
вулканы садом проросли.

И птеродактилем огромным,
с хребтом, ещё полубескровным,
двукрылый материк взлетал.

Всё оживало — в зёрнах, в мордах...

И я последнюю из мёртвых,
грустя, песчинку обнимал.

«Мы добрались до первого объятья...»

Мы добрались до первого объятья
и рухнули на берегу тоски.

Шли звёзды. И навес худого платья
был к палкам прикреплён за уголки.

Светился Млечный Путь твоей руки.

На кромке мира жили мы, собратья.
Уснула ты. И всё не мог понять я,
куда вдали плывут материки.

Забыть о прошлом. Поздно или рано
нас поджидал автобус, и нирвана
с песчинками в глазах и звоном фляг.

Очнись. Идёт рассвет. Лежат объятия
чуть в стороне, без нас. И взмахи платья
у мира на виду – как белый флаг.

«С утра отхлынул океан...»

С утра отхлынул океан,
струясь, являя постепенно
прибрежный шельф, обломки стран
и нас, увязших по колена.

Шуршал у плеч твоих туман,
и лопалась морская пена,

и пел, снижаясь, как сирена,
спасательный аэроплан.

Был берег чист, и знойны дали,
где нас, усталых, ожидали
стога и солнечный ночлег.

Висел, чернеясь над горами,
отвергнутый когда-то нами,
скотами засранный ковчег.

«С утра, с холмов, издалека...»

С утра, с холмов, издалека
воздушных масс перемещение,
передвигаются стога,
смещая склон и птичье пенье.

Теряют ласточки терпенье,
кружа внизу, у маяка:
как эхолоты, облака
доносят чьё-то приближение.

Идёт. И за какой-то миг,
за эру до его прихода
вся собралась уже природа —

вода, холмы и птичий крик,
и толпы ждущего народа
под лёгким скрипом небосвода.

«В июне рухнул белый свет...»

В июне рухнул белый свет.

Ручей блеснул и испарился,
остался только синий след
с присохшей щепкой кипариса.

Маяк и склон, любой предмет
терял черты, глазурность бриза,
а горизонт – лепнёй карниза
весь опоясал этот бред.

Там – форма плеч, тут – пятерня.

Глаза в глазницах у меня,
чернея, сохли с тихим треском.

А солнце шло к вершине дня.

И мир, не вынося огня,

обрушивался, точно фреска.

«Мечеть у бухты Золотой...»

Мечеть у бухты Золотой –
пункт «Вторсырья». На башне храма,
как страж над жизнью прожитой,
стоит мулла – над всхолмьем хлама.

Как стая мёртвых цапель, зной
летит на юг, к святым местам – а
из вод к нему выходит мама
с её улыбкой молодой.

И на руки его берёт,
и кормит молочком, и льнёт,
и бородой его играет.

Он видит шею, грудь, бельё.
И жмурясь, пылкую её
целует и благословляет.

«Некрополь. Купол тишины...»

Некрополь. Купол тишины
собачьим лаем потревожен,

и кллок мохнатой рыжины
метёт сквозняк под ханским ложем.

Следы от Солнца и Луны.

Сам воздух был здесь осторожен,
и спит, хвостом своим стреножен,
вожак под гулом вышины.

Нас занесло сюда врасплох.

Под саркофаг, под гул эпох
забился заяц, ждя чего-то.

Два ушка выставит седых.

И сразу – лай и визг борзых,
и продолжается охота.

«Песчаным берегом планеты...»

Песчаным берегом планеты,
над бездной, полной звёзд и тьмы,
куда – и чьи поправ заветы —
бежишь за мёртвыми детьми?

Их тени зыбко, как ладьи,
скользят вдоль линии запрета
извне, в тенях иного света.

Что общего у них с людьми?

И ты по праву посторонней
за парой душ потусторонней
по самой кромочке в туман...

И гарью обгоревших стран
дымится даль земного берега —
твой путь, безумная Ревекка.

Икша, 69

«Лежали мы на междуречье...»

Лежали мы на междуречье.

Раздваиваясь, ручеёк
нам щёки обдувал и свечи,
и — вновь сливаясь — пальцы ног.

Был нашим этот островок
и день, и мира просторечье,
а вечером затеплил свечи

и улыбался с неба Бог...

Ночь захлестнула нас с тобой,
как шторм и гибельный прибой,
смешавший звёзды и ракушки...

Рассвет. В лагуне золотой
мчат две волны – как две макушки
детей, шалящих под водой.

«Во мгле, где складчатые недра...»

Во мгле, где складчатые недра
под грузом моря чуть дрожат,
слоистой толщею в два метра
скелеты рыб, лучась, лежат.

Сверканье фосфора – как ад
или просмотр фильмов «ретро»,
или от солнечного ветра
невесты вспыхнувший наряд.

Повис и смерти ожидает
тюлень, и с ложечкой блуждает
всесущий Бог – вселенский шиз.

Вкусна, питательна кашаца.

И в белом иле копошится,
червиваясь, будущая жизнь.

«Пустынный пляж и розовые зданья...»

Пустынный пляж и розовые зданья
ловя глазами долго, как в бинокль,
ходил, меняя сонно очертанья,
плаксивый и большеголовый вопль.

Мосты. Какой-то обмерший Гренобль.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.